

«Национализация элит» в России как следствие социально-политических изменений 2018–2024 гг.

Н. А. Дунамалян

Аннотация

С конца 2010-ых годов в России все очевиднее проявляется тенденция к так называемой «национализации элит» – системной трансформации кадрового состава, ротации и идеологического переформатирования правящего класса. Этот процесс стал реакцией на изменения в международной среде, рост конфронтации с Западом, внутренние вызовы управляемости и, наконец, переход России в мобилизационный режим после начала СВО на Украине в 2022 году. В период 2018–2024 гг. происходит фундаментальный сдвиг в логике элитного воспроизводства: от гибридной системы с элементами технократической конкуренции к закрытой политической структуре с доминированием силовых и лоялистских групп.

«Ընտրանու ազգայնացում»-ը Ռուսաստանում՝ որպես 2018–2024 թթ. սոցիալ-քաղաքական փոփոխությունների հետևանք Ն. Ա. Դունամալյան

Սեղմագիր

2010-ականների վերջից Ռուսաստանում ավելի ակնհայտ է դառնում այսպես կոչված «էլիտների ազգայնացման» միտումը՝ իշխող դասի կադրային կազմի համակարգային վերափոխման, ռոտացիայի և գաղափարական վերաձևավորման գործընթացը: Այս գործընթացը արձագանք է հանդիսանում միջազգային միջավայրում տեղի ունեցած փոփոխություններին, Արևմուտքի հետ աճող հակամարտությանը, կառավարման ներքին մարտահրավերներին և, վերջապես, Ռուսաստանի՝ 2022 թ. Ուկրաինայում ՀՌԳ-ան մեկնարկից հետո մոբիլիզացիոն ռեժիմի անցմանը: 2018–2024 թվականներին տեղի է ունենում էլիտների վերարտադրության տրամաբանության հիմնարար փոփոխություն՝ տեխնոկրատական մրցակցության տարրեր ունեցող հիբրիդային համակարգից անցում է կատարվում դեպի փակ քաղաքական կառուցվածք, որտեղ գերակշռում են ուժային և լոյալիստական խմբերը:

“Nationalization of Elites” in Russia as a Consequence of the Socio-Political Changes of 2018–2024

Norayr Dunamalyan

Summary

Since the late 2010s, Russia has been increasingly demonstrating a trend toward the so-called "nationalization of elites" – a systemic transformation of the personnel composition, rotation, and ideological reformatting of the ruling class. This process emerged as a response to changes in the international environment, rising confrontation with the West, internal governance challenges, and, ultimately, Russia's transition to a mobilization regime following the start of the Special Military Operation in Ukraine in 2022. Between 2018 and 2024, a fundamental shift occurred in the logic of elite reproduction: from a hybrid system with elements of technocratic competition to a closed political structure dominated by security and loyalist groups.

«Национализация элит» в России как следствие социально-политических изменений 2018–2024 гг.²

«Национализация элит» как явление тесно связана с рядом политических событий постсоветской России, в рамках которых предлагалось создать крепкую опору для суверенного развития государства и воспитать собственный «политический класс», не зависимый от каких-либо внешних влияний. «Национализация» в таком случае выступала как средство устранения «дополнительных зависимостей» – от Запада, глобальной экономики или универсалистских (европоцентристских) ценностей, – и как способ суверенизации самого механизма воспроизводства власти. Однако этот процесс возник не как самостоятельная концепция развития элит, а, скорее, как очередная попытка идеологов российских властей отреагировать на геополитические трансформации на постсоветском пространстве (в 2000-ых предпринимались усилия ввести в обиход понятие «суверенная демократия»). В окончательном варианте «национализация элит» стала одним из элементов выраженной в 2023 г. концепции «Государство–цивилизация», хотя была предложена за 10 лет до этого. Концепт «национализации» фактически создавал новую экономическую реальность для российских чиновников, которых вводили в подчиненное и политически уязвимое состояние в рамках запрета на зарубежные счета и собственность³. Иными словами, российское руководство формировало институт социально-политической лояльности, используя экономические и правовые инструменты.

Однако желание руководства РФ сталкивалось с реалиями последних 25 лет, когда сформированная политическая элита не была готова «добровольно» следовать предложенному курсу в «нормальных» условиях. Дело в том, что в первой половине 2000-ых годов элита формировалась по технократическому и прагматическому принципу. Основной задачей власти было достижение макроэкономической стабильности, интеграция в мировые экономические и политические институты. Элитный консенсус строился на предположении, что личная лояльность и политическая пассивность сочетаются с правом на частную экономическую активность, в том числе – за рубежом⁴. С начала 2010-ых ситуация начала меняться. Митинги 2011–2012 гг., возвращение Владимира Путина на пост президента и обострение отношений с Западом стали первыми индикаторами сдвига. Крымский

¹ Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Российско-Армянского (Славянского) университета. Автор более 15 научных работ и статей.

² Статья представлена в редакцию 10.05.2025 г.

³ Расторгуев С. В. «Национализация российской элиты» как политический проект. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 4. С. 6–12. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-6-12> (дата обращения: 08.06.2025).

⁴ Становая Т. Как российская элита относится к новой внешней политике Кремля. Московский Центр Карнеги. <https://carnegie.ru/commentary/61774> (дата обращения: 08.06.2025).

кризис 2014 года стал водоразделом: санкции, внешнеполитическая конфронтация и идеологическая мобилизация резко обострили вопрос элитной лояльности.

На фоне санкционного давления и необходимости воспроизводства власти в 2018 и 2024 годах, национализация элит стала не просто тенденцией, а необходимым условием функционирования власти. Власть начала системно пересматривать критерии допуска к управлению и собственности. Кроме того, внешне- и внутривластные процессы привели к колебанию политического маятника от новаторов в сторону традиционалистов, что следовало логике 300-летней истории элитных конфликтов России⁵.

Элитная структура современной России: ротация и стабилизация

Привычная структура российских элит, состоявшая из представителей старой номенклатуры, технократов, силовиков, олигархов и идеологов, после 2014 г. начала претерпевать постоянную трансформацию. В элитной среде (главным образом рамках отношений Центра и региональных властей) начала просматриваться тенденция «омоложения элит» по причине не объективного, а контролируемого Кремлем процесса выбора новых кадров⁶ через такие программы как «*Лидеры России*» или «*Школа губернаторов*». Роли различных элитарных групп начали пересматриваться, однако смена лиц не означала расширения пространства действий и открытости для вступления в «политический класс» страны новых людей (несмотря на то, что в 2021 г. в Федеральном собрании появилась партия «Новые люди»). Как следствие, элиты продолжали выполнять свои функции в рамках структурно ограниченных возможностей, однако тренды, заложенные в 2016–2018 гг. и проявившие себя после 2022 г. еще больше ограничили свободу их действий (Таб. 1).

Система формирования губернаторского корпуса с 2016–2018 гг. демонстрирует отход от экспериментов с управленческой меритократией. Назначения в регионы стали инструментом опробования и «выращивания» кадров, при этом важнейшим критерием стала не эффективность в экономическом смысле, а способность к «бесшумному» управлению, администрированию мобилизационных задач и соблюдению идеологической дисциплины. Многие новые главы регионов – это представители администрации президента (АП), ФСО, МВД и других вертикально интегрированных институтов власти, в которых уже существует культура подчинения и исполнения указаний без политической креативности. Однако уже сам этот факт не раз приводил к конфликтам между т. н. губернаторами-«варягами» и региональными элитами в различных субъектах РФ. Чрезмерная централизация может

⁵ Сергеев В. М., Коктыш К. Е. Конфликты элит в трехсотлетней истории российской модернизации. – Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 173–182. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.13>. (дата обращения: 08.06.2025).

⁶ Палитай И.С. 2022. Российская политическая элита: текущее состояние и динамика основных показателей (на материалах исследований 2011–2021 гг.). Полис. Политические исследования. № 4. С. 148–160. <https://doi.org/10.17976/2022.04.12>

восприниматься как возврат к «имперским» практикам, что, однако, не усиливает сплоченности российского общества с точки зрения вовлеченности в общегосударственные процессы. С другой стороны, Кремль не отказывается от тесного взаимодействия с региональными элитами в субъектах федерации, где их позиции очень сильны (в особенности – на Северном Кавказе и в Татарстане)⁷.

Группа	Характеристика и статус	Текущая роль	Тенденция
Номенклатура	Классическая бюрократия, ориентированная на инерцию и подчинение вертикали	Стабильно востребована как исполнительский ресурс	База сокращается по объективным причинам
Силовики	Представители ФСБ, МВД, Росгвардии, участники СВО после 2022. Часто становятся главами регионов и кураторами отраслей	Расширяют зоны влияния, в т. ч. в экономике	В будущем могут занять лидирующие позиции во власти при наличии управленческого опыта
Технократы	Специалисты экономического профиля, воспитанные в логике модернизации	Потеря самостоятельности и, маргинализация	Могут вернуть позиции в случае возвращения к штатной ситуации
Информационная элита	Идеологи, медиаменеджеры, кураторы пропаганды (Кириенко, Толстой и др.)	Ключевая роль в мобилизационной повестке	Потеря влияния большей части пропагандистов в случае запроса на более умеренные или систематизированные оценки в обществе
Олигархия	Разделена на «своих» и «чужих» в зависимости от степени лояльности	Кооптация или исключение из системы	Включение в систему государственного капитализма

Таблица 1. Роли различных групп российских элит и их текущее состояние.

Источник: Н. Дунамалян

Во всяком случае, сам факт существования «губернаторов-назначенцев президента» включает их в вертикаль власти и элит, создавая новые механизмы набора кадров. При этом сохраняется угроза политического кризиса, поскольку отбор осуществляется по принципу лояльности, а не на конкурентной основе, учитывающей управленческие качества претендентов на вступление в ряды элиты. Выстроенная в РФ система рекрутирования элит включает иерархизированный процесс

⁷ Подвинцев О. Б. Губернаторы-«Варяги» и региональные политические элиты в современной России: условия и тенденции взаимодействия. ПОЛИТЭК. 2009. №2. <https://cyberleninka.ru/article/n/gubernatory-varyagi-i-regionalnye-politicheskie-elity-v-sovremennoy-rossii-usloviya-i-tendentsii-vzaimodeystviya> (дата обращения: 08.06.2025).

«проталкивания» различными внутриэлитными группами своих кандидатов во власть. Однако чрезвычайная ситуация, возникшая после 2022 г., создает условия привлечения новых кадров из числа военных, что нарушает устоявшуюся систему внутриэлитного взаимодействия⁸. В то же время, региональная служба превращается в «карантинную зону» для тех, кто может в перспективе войти в высшие эшелоны власти. Важен сам факт проверенности, а не успех. Например, губернатор Белгородской области Вячеслав Гладков, не имеющий ни харизматических, ни административных достижений, был усиленно позиционируем как образец «фронтového» управленца, способного сохранять спокойствие под обстрелами⁹.

Влияние силовиков на власть после 2022 г. также изменилось, пройдя несколько этапов трансформации. Их представители получили ключевые посты не только в традиционных «силовых» ведомствах, но и в гражданской администрации (вице-губернаторы, главы муниципалитетов, главы департаментов), в политических партиях и даже на уровне корпоративного управления (особенно в оборонно-промышленном комплексе). Назначение бывшего вице-премьера, экономиста Андрея Белоусова министром обороны может показаться парадоксальным в этом контексте, однако с точки зрения стратегических приоритетов Кремля происходит «институционализация и дисциплинирование» отношений с силовиками, расшатанных в период реформ А. Сердюкова и роста влияния Е. Пригожина (к этому можно добавить самостоятельность Р. Кадырова). Иными словами, речь идет о встраивании силовиков в вертикаль экономико-бюрократического контроля (пример, назначение приближенного В. Путина, бывшего замминистра обороны и близкого друга Е. Пригожина Алексея Дюмина секретарем Госсвета РФ), что может поднять уровень управляемости процессами как в стране, так и на фронте.

Таким образом, Россия вошла в этап не просто «национализации» элит, а *изолированной селекции*, при которой элитная структура перестает быть ареной соревновательной политики и превращается в систему фильтров – с приоритетом «безопасности» перед «компетентностью». Однако такая логика процессов была заложена до 2022 г. и была связана с проблемой воспроизводства власти.

Конституционная реформа 2020 года: слом формальной конкуренции и конец институционализированного транзита

Поправки к Конституции Российской Федерации, принятые в 2020 году, стали ключевым водоразделом в трансформации политической системы страны. Особенно значимой стала формулировка об «обнулении» президентских сроков, позволившая Владимиру Путину вновь баллотироваться на пост главы государства после 2024 года, несмотря на ранее исчерпанные сроки. Этот шаг кардинально изменил траекторию

⁸ Кынев А. Региональные элиты эпохи «СВО»: эволюция, состояние и сценарии. Re:Russia. <https://re-russia.net/expertise/0224/> (дата обращения: 08.06.2025).

⁹ Меликян Т. Прямой эфир под обстрелами: как СВО вывела губернаторов к людям. Профиль. https://profile.ru/politics/pryamoy-efir-pod-obstrelami-kak-svo-vyvela-gubernatorov-k-ljudyam-1348619/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 08.06.2025).

внутриполитического развития России, устранив институциональные стимулы для выстраивания стратегии транзита власти.

До 2020 года даже при общем персоналистском характере российского политического режима сохранялись определенные ожидания относительно возможности управляемого транзита. Понятие сменяемости власти хоть и не воспринималось как вероятный сценарий в краткосрочной перспективе, но оставалось встроенным в институциональные рамки. Конституционные ограничения по срокам президентства объективно побуждали к подготовке сценариев «переходного периода», пусть даже в логике преемственности¹⁰.

После обнуления сроков такие ожидания потеряли даже символическое значение. Элитные группы, ранее потенциально заинтересованные в формировании альянсов вокруг фигур возможных преемников, утратили стимулы к формальной политической конкуренции. Это привело к резкому снижению роли внутриэлитной борьбы как регулируемого механизма обновления и перераспределения власти.

Отказ от транзитных сценариев усилил зависимость всей политической архитектуры от фигуры действующего президента. Персоналистская вертикаль, и без того доминировавшая в структуре власти, после 2020 года приобрела окончательную форму: альтернативные центры политического влияния были либо маргинализированы, либо интегрированы в систему персональных лояльностей.

Поправки 2020 года не только устранили ограничения по срокам, но и укрепили роль Госсовета – ранее консультативного органа, получившего конституционный статус. Хотя его функции остаются неясными, его институционализация воспринимается рядом аналитиков как потенциальный механизм адаптации системы к кризису транзита – своего рода «переходный формат» управления, в случае если персоналистский режим столкнется с необходимостью перенастройки. Пока Госсовет не стал самостоятельным центром принятия решений, но его сохранение в конституционной архитектуре указывает на институциональное «страхование» режима: создание платформы, способной при необходимости выполнять стабилизирующую функцию в условиях неопределенности.

Многие элементы изменения Конституции РФ 2020 г. были направлены на создание механизмов адаптации политической системы к чрезвычайным ситуациям, поскольку накопленные за период независимости «уязвимости» уже давали о себе знать. В конечном счете, отказ от транзита был вызван опасением элит перед непредсказуемостью такого сценария и потенциальной неуправляемостью этим процессом (особенно после беспорядков в Казахстане в январе 2022 г. и в сложной геополитической ситуации).

Итогом стало изменение модели поведения элит: от расчетливого планирования возможных конфигураций будущей власти – к стратегии постоянной адаптации. Фактически «национализация элит» стала первым этапом в рамках переходного периода, продолжающегося по сей день, и подготавливающего Россию к новым

¹⁰ Становая Т. Пять путинских элит на фоне транзита. Московский Центр Карнеги. <https://carnegie.ru/2020/02/27/ru-pub-81158> (дата обращения: 08.06.2025).

вызовам. Впредь «правила игры» устанавливались высшей российской властью, симптомом чего стал резкий переход к социально-консервативной повестке и идеологизации политического процесса внутри страны.

Одним из ярких проявлений национализации элит стало постепенное вытеснение из власти представителей либерального, прозападного крыла. Это не обязательно оппозиционеры – часто речь шла о чиновниках и менеджерах, ориентированных на рациональное администрирование и интеграцию с глобальными практиками. Так, в тень ушли или были отстранены от влияния фигуры вроде Алексея Кудрина, Германа Грефа, Анатолия Чубайса. На смену пришел лояльный и идеологизированный тип управленца, отражающего приоритет профессионализма, управляемости и политической надежности.

Тенденции к централизации власти после 2022 г.

До 2022 года российский режим представлял собой гибридную конструкцию: авторитаризм с элементами институциональной конкуренции, точечными репрессиями и допустимым уровнем разногласий внутри элит. После начала *«Специальной военной операции»* режим начал трансформироваться в форму военного мобилизационного авторитаризма, где важнейшей валютой стала лояльность и готовность участвовать в проекте принятия экзистенциального конфликта. Элиты, прежде допускавшие условную аполитичность, были вынуждены занять публичную и однозначную позицию.

Наиболее ощутимые изменения коснулись предпринимателей. Крупный бизнес оказался перед выбором: участвовать в «патриотических проектах» (взносы, гуманитарная помощь, строительство дронов, госпиталей и т. п.) или отказываться от своих активов в пользу провластных кругов. Деловые элиты больше не могли действовать вне политики, стараясь сохранить доступ к рынкам, контрактам, протекции и безопасности.

С другой стороны, «национализация элит» и последующая война продемонстрировали уровень сплоченности российских элит вокруг президента РФ, способствуя устранению нелояльных или слишком самостоятельных акторов. В период с 2022 по 2024 гг. происходила *«донастройка системы принятия решения вокруг президента по принципу переkreщивания ответственности и создания параллельных структур взаимоконтроля»*¹¹. В конечном счете, произошла институциональная кристаллизация власти, при которой привычные механизмы согласования интересов между элитарными группами были заменены на иерархическую, одностороннюю модель координации. Усиление роли Администрации Президента, а также возрастание числа дублирующих или параллельных структур (Совет по стратегическому развитию при президенте, оперативные штабы, военные

¹¹ Политбюро 2.0. Долгая зима. Аналитический обзор состояния российских элит. Июнь 2024. Минченко Консалтинг. https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Politbyuro/NEW_Doklad_Politbyuro_2_o_korotkaya_versiya_2JUNE2024.pdf (дата обращения: 08.06.2025).

координационные центры и т. д.) указывали на консолидацию процессов принятия решений в узком кругу лиц, обладающих неформальной связью с президентом. Это сопровождалось институциональным свертыванием горизонтальных каналов влияния и формальной утратой самостоятельности даже тех ведомств, которые ранее сохраняли определенную автономию (Минфин, МИД, Минэкономразвития, часть губернаторского корпуса). Показательно, что в 2020–2022 гг. усилилась практика внесистемных кадровых решений – продвижения на ключевые посты лиц без публичной политической биографии.

Возникшая в новых условиях система во многом противоречила предыдущим практикам прагматического взаимодействия между элитарными группами. Прагматизм вышел за рамки внутренней политики и стал использоваться только во внешней политике, в то время как внутри России начали конструировать идеологию «Государства–цивилизации», основанную на самоценности защиты суверенитета и соблюдения традиционных ценностей.

Война как способ перестроения элит и рекрутирования элит

Война стала не только инструментом мобилизации населения, но и механизмом политической фильтрации, селекции и символического «перевоспитания» элит. Система, изначально ориентированная на инерционную ротацию и вертикальную управляемость, столкнулась с необходимостью создания новых каналов легитимации – как внешней (по отношению к обществу), так и внутренней (по отношению к внутриэлитным коалициям).

Одним из симптомов внутриэлитного напряжения стал мятеж Евгения Пригожина летом 2023 года, продемонстрировавший, насколько ситуация может выйти из-под контроля и разрушить сложившийся баланс между политическим центром и силовыми прокси-структурами. Пригожин, как и Рамзан Кадыров, представляли относительно автономные, облеченные ресурсами и медийной поддержкой элитные группы. Однако возможный «передел» власти после войны (как вознаграждение за активное участие «Вагнера» или спецназа «Ахмат») был предотвращен именно тем, что потенциальные претенденты продемонстрировали свою ненадежность и опасность для Центра. Общество также разочаровалось в действиях некоторых групп элит¹², что сделало их более зависимыми от главы государства.

Таким образом, национализация элит не была поставлена «на паузу» в условиях войны, напротив – именно военный контекст придал ей новое содержание. В конце концов, сформировалась новая каста участников войны, чья лояльность не базировалась на бюрократической дисциплине или бизнес-инициативах, а на принадлежности к героизированному образу «СВО»¹³. Участники военных действий не просто

¹² Russian Field. Евгений Пригожин: до и после мятежа (опрос 16–19 и 26–30 июня 2023 г.). Russian Field. <http://russianfield.com/myatezh> (дата обращения: 08.06.2025).

¹³ Путин назвал бойцов СВО элитой и «золотым фондом» государства. РИА Новости, 21 апреля 2025. <http://ria.ru/20250421/putin-2012598736.html> (дата обращения: 08.06.2025).

интегрируются в политическую систему – они получают статус носителей особой легитимности, тем самым создавая прецедент появления «военно-гражданской элиты».

Некоторые участники СВО уже начали появляться в региональных парламентах, общественных советах, включаются в составы партийных списков¹⁴. В отдельных случаях обсуждаются как потенциальные губернаторы или, даже, будущие политики федерального уровня. Примечательно, что их управленческий опыт либо отсутствует, либо не имеет значения.

Эта логика рекрутирования напоминает механизм «революционной легитимации» – как в советской традиции (ветераны Гражданской войны), так и в других авторитарных режимах, где участие в вооруженном конфликте превращается в формальный критерий допуска к власти. Новый тип элиты – «элита войны» – может сыграть дестабилизирующую роль в будущем, особенно если ее ожидания относительно политического признания не будут удовлетворены. С другой стороны, их системное включение может оказаться формой контроля над угрозами и нейтрализации альтернативных центров силы, вроде автономных ЧВК или экстремистских региональных проектов.

По сути, война стала еще одним фильтром, через который проходят некоторые потенциальные претенденты на участие в элите: как по линии институциональной лояльности (через Минобороны, АП, МВД), так и по линии публичного патриотизма (медийная активность, участие в мобилизационных акциях). Кроме того, как появление «неизвестного сотрудника спецслужб» Владимира Путина в 1999 году в разгар кризиса власти, так и в 2030-х годах может произойти явление нового «лидера», формально неизвестного, но обладающего капиталом участия в СВО. Таким образом, создается символический прецедент для будущей легитимации власти за пределами бюрократии и партийных структур.

Очевидно, что военная элита – это не случайный набор лоялистов, а проектируемый слой нового типа, призванный одновременно стабилизировать вертикаль и перехватить инициативу у тех, кто был связан с довоенным порядком. Группа ветеранов «СВО» может стать идеальным инструментом для российских властей в борьбе с ее оппонентами, однако высокая самостоятельность может привести к потенциальной угрозе в условиях кризиса транзита.

Внешние факторы становления российских элит: от постсоветской формации к новой

Стоит также отметить то обстоятельство, что российские элиты долгое время оставались частью постсоветской транснациональной формации, возникшей на обломках прежней системы, в которой сохранялись интенсивные связи – институциональные, экономические, персональные – между политическими и

¹⁴ Иванова Б., Репин А., Рыбина Ю. «Героев разобрали по регионам: на местные кадровые проекты подали заявки почти 50 тыс. участников СВО». Коммерсантъ, 21.04.2025, <http://kommersant.ru/doc/7673921> (дата обращения: 08.06.2025).

деловыми кругами бывших советских республик¹⁵. Однако начиная с 2010-х годов, а особенно после 2014 года, начал оформляться разрыв с этим наследием, что стало частью общего курса на «суверенизацию» и «национализацию» элит. Внешнеполитическая конфронтация, санкционная изоляция и внутриэлитные чистки привели к свертыванию горизонтальных постсоветских связей и усилению иерархической модели, замкнутой внутри российского пространства.

На этом фоне особую значимость приобрела политика Кремля в отношении региональных элит внутри РФ, а также элит в постсоветских республиках, прежде тесно вовлеченных в российские политические и экономические процессы. Началась переоценка приоритетов: от попыток построения общего политического пространства с странами Ближнего Зарубежья посредством диаспор – к ставке на внутреннее развитие и безопасность России (концепция «Россия как остров»). Размывание прежних неформальных связей стало частью курса на переформатирование элитной инфраструктуры: в том числе через вытеснение тех, чье происхождение или связи с зарубежьем могли восприниматься как источник политических рисков.

Показательным в этом контексте стал кейс представителей армянского происхождения в российской элите. Он обнажил структурное напряжение между декларативной наднациональностью российской государственной модели и все более этноцентрической логикой политического подбора кадров. Так, фигура Левона Айрапетяна – бизнесмена, вовлеченного в дела Нагорного Карабаха и поддерживавшего идею особого пути Арцаха – была показательно маргинализирована, а затем криминализирована, несмотря на его лояльность России и связи в системе¹⁶. Еще более симптоматичен пример Рубена Варданяна: несмотря на активную поддержку «Русского мира» и участие в гуманитарных и образовательных проектах на территории РФ, попытка переноса его политического влияния на территорию Нагорного Карабаха встретила жесткое сопротивление как со стороны Азербайджана и, в итоге, привела к игнорированию его дальнейшей судьбы со стороны Москвы.

Кроме того, политические элиты Армении сами пытались дистанцироваться от Кремля, что отчасти отражалось на судьбе российских предпринимателей армянского происхождения и, впрочем, демонстрировало пределы «мягкой силы» России на постсоветском пространстве. В конце концов, проявлялась двойственность отношений российских властей с диаспоральными элитами, которых поощряли к активности, пока это соответствовало внутривнутриполитическим интересам.

Такие примеры указывают на общий кризис интеграционной парадигмы: Кремль более не стремится к построению постсоветской элиты как наднационального проекта, а выстраивает вертикаль власти с прицелом на закрытую, идеологически и культурно гомогенизированную структуру. В этом контексте даже лояльные и ресурсообеспеченные фигуры оказываются лишними, если они не вписываются в жестко заданный контур интересов российских властей.

¹⁵ Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. – Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90-105.

¹⁶ СК РФ повторно изучит обстоятельства смерти Левона Айрапетяна. Armenpress. — 10.10.2018, <https://armenpress.am/ru/article/950441> (дата обращения: 08.06.2025).

Проблема преемственности как системный вызов

После войны возник ряд разрывов внутри политической элиты России, которые невозможно исправить только при помощи централизации управления. Нужна более гибкая система, нацеленная на будущее. Проблема заключается не только в подборе кадров, но и в отсутствии институционализированной процедуры передачи власти – не как формального акта, а как устойчивого механизма сохранения легитимности и управляемости при смене поколений и ситуаций. Выстраивание вертикали власти на основе персоналистской лояльности лишает систему адаптационных ресурсов: любой изъян в «Центре» немедленно проецируется на все управленческие уровни, что на фоне чрезмерного подчинения региональных властей проявится и в периферии. Модель прагматичной элиты прошлого, сменяясь в чрезвычайных условиях «национализации», не встречает серьезной альтернативы, которая сможет представить образ будущей послевоенной системы РФ. Попытки институционализировать элиту через форматы Совбеза или Госсовета больше напоминают имитацию опыта Политбюро ЦК КПСС. Однако для этого необходима жесткая идеология и более централизованная система, подобная политическому устройству КНР, к чему российское общество (как и часть элиты), скорее всего, не готово.

С учетом вышесказанного речь может идти о трех возможных сценариях развития событий в ближайшей перспективе:

1. Сценарий «жесткой персоналистской инерции»

Власть продолжает воспроизводить себя в замкнутом контуре лояльных акторов. Назначения осуществляются преимущественно из числа военных и проверенных управленцев с ограниченным горизонтом планирования. Преемственность обеспечивается не институтами, а тесным кругом доверенных лиц, действующих по логике оперативного администрирования. При этом риск институционального коллапса возрастает: с уходом центральной фигуры система сталкивается с «вакуумом легитимности» и необходимостью срочной реорганизации. Этот сценарий стабилен в краткосрочной перспективе, но уязвим к внешним шокам и внутреннему истощению ресурсов управления.

2. Сценарий «управляемой трансформации»

Этот сценарий фактически представляет прерванный процесс транзита власти до 2020 г. Осознание ограниченности текущей модели может привести к попытке постепенного институционального обновления «сверху». В этом случае может активироваться Госсовет или аналогичные структуры как прототип транзитного формата. Речь пойдет не о смене политического курса, а о легализации новых правил в рамках существующего режима: например, введение ограниченных форм внутрисистемной конкуренции, обновление смыслов элитной лояльности (через национальные проекты, оборонную индустрию, управляемую модернизацию). Этот

сценарий потребует точной настройки и допускает временное расширение политических возможностей – в первую очередь в целях снижения конфликтности внутри элит.

3. Сценарий «неуправляемого транзита»

В случае утраты контроля над ситуацией – в силу внешнеполитических изменений, внутренних кризисов или распада механизмов вертикали – может запуститься деструктивный процесс фрагментации элит. Отсутствие преемственных структур спровоцирует борьбу «всех против всех», где региональные и силовые группы начнут конкурировать за автономные зоны влияния. В условиях слабости формальных институтов такие процессы грозят параличом управления и переходом к неформальному перераспределению власти, сопровождаемому конфликтами. Подобный сценарий сегодня выглядит наименее вероятным, но его риск возрастает при попытке бесконечного продления действующей конструкции без ее обновления.

Таким образом, проблема преемственности не ограничивается персоналиями или сроками полномочий. Это вопрос устойчивости всей конструкции власти в условиях изоляции, мобилизации и нарастающей управленческой изношенности. Текущая модель не дает ответа на вопросы: что произойдет после переходного периода, и будет ли у системы механизм возврата к состоянию управляемости. Хотя попытки «отката» политической системы к более управляемой модели уже отмечаются на примере сохранения сильного, хотя и зависимого, блока технократов во власти и ограничения влияния армии и силовиков.

Источники и литература

1. Евгений Пригожин: до и после мятежа (опрос 16–19 и 26–30 июня 2023 г.). Russian Field. <http://russianfield.com/myatezh>
2. Иванова Б., Репин А., Рыбина Ю. «Героев разобрали по регионам: на местные кадровые проекты подали заявки почти 50 тыс. участников СВО». Коммерсантъ, 21 апр. 2025. <http://kommersant.ru/doc/7673921>
3. Кынев А. Региональные элиты эпохи «СВО»: эволюция, состояние и сценарии Re:Russia. <https://re-russia.net/expertise/0224/>
4. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. – Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.
5. Меликян Т. Прямой эфир под обстрелами: как СВО вывела губернаторов к людям. Профиль. https://profile.ru/politics/plyamoj-efir-pod-obstrelami-kak-svo-vyvela-gubernatorov-k-ljudyam-1348619/?utm_source=chatgpt.com
6. Палитай И.С. 2022. Российская политическая элита: текущее состояние и динамика основных показателей (на материалах исследований 2011–2021 гг.). Полис. Политические исследования. № 4. С. 148–160. <https://doi.org/10.17976/2022.04.12>
7. Подвинцев О. Б. Губернаторы-«Варяги» и региональные политические элиты в современной России: условия и тенденции взаимодействия. ПОЛИТЭКС. 2009. №2. <https://cyberleninka.ru/article/n/gubernatory-varyagi-i-regionalnye-politicheskie-elity-v-sovremennoy-rossii-usloviya-i-tendentsii-vzaimodeystviya>

8. Политбюро 2.0. Долгая зима. Аналитический обзор состояния российских элит. Июнь 2024. Минченко Консалтинг. https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Politbyuro/NEW_Doklad_Politbyuro_2_o_korotkaya_versiya_2JUNE2024.pdf
9. Путин назвал бойцов СВО элитой и «золотым фондом» государства. РИА Новости, 21 апреля 2025, http://ria.ru/20250421/putin_2012598736.html
10. Расторгуев С. В. «Национализация российской элиты» как политический проект. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 4. С. 6–12. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-6-12>
11. Сергеев В. М., Коктыш К. Е. Конфликты элит в трехсотлетней истории российской модернизации. – Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 173–182. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.13>
12. СК РФ повторно изучит обстоятельства смерти Левона Айрапетяна. Armenpress. — 10.10.2018, <https://armenpress.am/ru/article/950441>
13. Становая Т. Как российская элита относится к новой внешней политике Кремля. Московский Центр Карнеги. <https://carnegie.ru/commentary/61774>
14. Становая Т. Пять путинских элит на фоне транзита. Московский Центр Карнеги. <https://carnegie.ru/2020/02/27/ru-pub-81158>